

Неплюев Николай Николаевич

Хлеб насущный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич Н.**
Хлеб насущный / Неплюев Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
166 с.

ISBN 978-5-519-99213-8

ISBN 978-5-519-99213-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

меня пустая фикція, свободная воля—предразсудокъ; я констатирую фактъ деморализаціи, но вѣдь это фактъ вполне естественный; возмущаться имъ я такъ же мало склоненъ, какъ мало склоненъ и ребячески восторгаться возвышенными мыслями и чувствами». Торжествующая улыбка говоритъ: «я самъ глубоко деморализованъ и ни мало не смущаюсь этимъ; деморализація во мнѣ столь же естественное явленіе, какъ и деморализація всего окружающаго меня общества; возвышенныхъ добродѣтелей я за собою не чувствую, а мои пороки вполне естественны и отъ меня не зависятъ».

Такъ думаютъ милліоны людей, только выражаетъ эту мысль каждый по своему. Замѣчательно, что большинство изъ насъ пропитано теоріею невмѣняемости безсознательно; мы воображаемъ себя христіанами, но вся жизнь наша, весь нашъ бытъ общественный и частный, находится въ прямомъ противорѣчій съ христіанскою доктриною и нравственнымъ кодексомъ, завѣщаннымъ Христомъ. Я не говорю здѣсь о людяхъ носящихъ личину христіанства; я говорю о тѣхъ, которые искренно считаютъ себя христіанами и безсознательно пропитаны теоріей невмѣняемости. Въ благочестивыхъ разговорахъ они будутъ вздыхать объ испорченности людей и съ умиленіемъ слушать поученія въ церкви; посмотрите на тѣхъ же людей внѣ церкви и теоретическихъ разговоровъ въ практикѣ обыденной жизни. Какую бы подлость ни сдѣлалъ этотъ благочестивый человѣкъ, онъ все извинитъ въ себѣ смиреннымъ сознаніемъ плотской немощи; замѣтьте *извинитъ*, а не только *объяснитъ*. А почему? да потому, что и онъ безсознательно пропитанъ теоріей невмѣняемости; потому что по его понятіямъ человѣку свойственно имѣть слабый духъ въ немощной плоти, что поступать дурно

подъ вліяніемъ этой немощной плоти вполне естественно; тутъ останавливается нить его умозаключеній. Чтобы человѣкъ на этомъ успокоился, необходимо предположить, что онъ признаетъ за аксіому слѣдующее положеніе: «все, что естественно для человѣка, не можетъ ему быть вмѣнено въ вину». И дѣйствительно это положеніе онъ безсознательно считаетъ аксіомой, не понимая, что съ этой минуты между его міровоззрѣніемъ и міровоззрѣніемъ христіанскимъ легла цѣлая пропасть. Попробуйте въ присутствіи этого благочестиваго человѣка заговорить о возвышенныхъ мысляхъ и чувствахъ не только вполне согласныхъ, но даже прямо вытекающихъ изъ возвышеннаго идеала христіанства; вы тотчасъ замѣтите на его лицѣ презрительную улыбку и эта улыбка скажетъ вамъ: «я трезво смотрю на жизнь и не увлекаюсь твоими ребяческими бреднями». Попробуйте заявить желаніе послужить осуществленію христіанскаго идеала на землѣ, вы тотчасъ замѣтите со стороны этого благочестиваго человѣка злобное отношеніе къ вамъ; онъ увидитъ въ васъ сумасброднаго гордеца, человѣка опаснаго для спокойствія его ума, совѣсти и безмятежнаго житія. Вотъ подобныхъ людей о двухъ идеалахъ, однимъ оффиціальнымъ для спокойствія ума, и другимъ безсознательнымъ, но преобладающимъ для безмятежнаго житія, ужъ очень стало много между нами.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» повторяютъ ежедневно эти псевдо-христіане съ притворнымъ умиленіемъ; не ошибайтесь: изъ молитвы, завѣщанной намъ Бого-человѣкомъ, они принимаютъ одну форму; попробуйте вложить въ эту форму глубокій внутренній смыслъ, они предадутъ васъ анаѣмѣ, какъ предали бы анаѣмѣ и самого Великаго Страдальца, если бы Онъ жилъ въ наши дни.

Время настало, необходимо напомнить, громко напомнить внутренний смысл прошенія о хлѣбѣ насущномъ вамъ искренніе друзья Христовы и вамъ легкомысленные противники любвеобильной доктрины.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Замѣтимъ, мы не говоримъ «Хлѣбъ *мой* насущный даждь *мнѣ* днесь», а говоримъ «Хлѣбъ *нашъ* насущный даждь *намъ* днесь». Въ какомъ значеніи употребляетъ Спаситель слово *нашъ*—не требуетъ комментариевъ; *мы*—по ученію Христа—это всѣ ближніе наши; а ближніе наши—все что думаетъ и чувствуетъ на землѣ, все что носить имя человѣка, будь то Самарянинъ или Іудей.

Итакъ мы просимъ хлѣба насущнаго для всѣхъ и вся.

Если чиста молитва наша передъ Богомъ, мы искренно желаемъ просимаго и само собою твердо рѣшились сами поступать сообразно съ тѣмъ, чего желаемъ на что просимъ помощи у Бога.

Поймемъ же наконецъ, что просить въ молитвѣ хлѣба для всѣхъ, а въ жизни стремиться обирать всѣхъ на пользу одного себя, значитъ глумиться надъ святыней; такая молитва кощунство, такое поведение сознательная гнусная подлость.

Или можетъ быть мы не знаемъ, что надо для того, чтобы былъ хлѣбъ насущный у всѣхъ ближнихъ нашихъ? Подумаемъ, но подумаемъ честно, безъ софистическихъ увертокъ, о томъ, что составляетъ хлѣбъ насущный для человѣка въ историческій моментъ, нами переживаемый.

«Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», вѣдь мы всѣ знаемъ эти слова писанія; хлѣбъ насущный это хлѣбъ матеріальный для двуногаго животнаго, хлѣбъ духовный для вѣчнаго духа, присущаго намъ внутренняго бога.

Живетъ-ли человѣкъ этою полною жизнію тѣла и духа—вотъ на чемъ стоитъ остановиться и крѣпкую думу подумать.

Рѣшивъ вопросъ принципиально, каждый человѣкъ обязанъ подумать и о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ, сообразуясь со своими личными качествами и общественнымъ положеніемъ, способствовать тому, чего просить въ молитвѣ, говоря: «хлѣбъ *нашъ* насущный даждь *намъ* днесь» все равно, будетъ-ли то доступно для него въ смыслѣ хлѣба матеріальнаго или хлѣба духовнаго.

Я не имѣлъ счастья найти нравственную поддержку, когда, желая послужить по мѣрѣ силъ родному Русскому народу, я печатно призналъ священный долгъ естественно вытекающій для меня и для всякаго помѣщика изъ самаго соціального положенія, занимаемаго нами среди нашихъ согражданъ.

Печать за однимъ только исключеніемъ («Мысль») стала съ энергіей достойною лучшаго дѣла доказывать помѣщикамъ, что на нихъ не лежитъ, да и не можетъ лежать обязанность перевоспитанія народа—раба для новой, едва начинающейся для него, свободной жизни.

Я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи, продолжаю думать, что раба необходимо воспитать для новой, свободной жизни и что принять на себя трудное, тяжелое дѣло народнаго воспитанія всего легче намъ Русскимъ помѣщикамъ, единственнымъ обладателямъ въ деревенскихъ захолустьяхъ нужнаго для того образованія *при матеріальныхъ средствахъ и вліятельности общественнаго положенія.*

Періодическая печать приглашаетъ меня, совместно со всѣми помѣщиками, оставить напрасныя мечты о полезной жизни и возвратиться къ обычному, безцѣльному, но въ то же время яко-бы единст-

венно доступному для насъ, убиванію времени. Любовь къ моей родинѣ, страстное желаніе быть ей полезнымъ, даетъ мнѣ силу не слѣдовать этому гнусному совѣту и продолжать начатое мною трудное, иногда тяжелое, но въ то же время искренно, горячо любимое мною дѣло. Продолжать это дѣло я буду, хоть бы дѣлать мнѣ его пришлось одному, среди враждебности, сарказмовъ и злорадства. Считаю дѣло это священною обязанностью, историческимъ призваніемъ всякаго Русскаго помѣщика, въ переживаемое нами время, я считаю для себя нравственнымъ долгомъ отдавать Русскому обществу отчетъ въ томъ, что самъ я сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

Говорить я буду, и изъ уваженія къ читателю, и изъ уваженія къ самому себѣ, съ тою же откровенностью, съ какою говорилъ и въ предшествовавшихъ брошюрахъ, не смотря на нещадное глумленіе критика «Отечественныхъ Записокъ» (Ноябрь 1882 г.) надо мною и самыми завѣтными моими мыслями и чувствами. Если бы я позволилъ себѣ оскорбить Русское общество предположеніемъ, что критикъ «Отечественныхъ Записокъ» является выразителемъ общественнаго мнѣнія, я конечно замкнулся бы въ гордомъ молчаніи, считая дальнѣйшую откровенность съ своей стороны профанаціей мысли и чувства. Я не позволю себѣ думать, что Русское общество дошло до такого нравственнаго паденія, чтобы въ каждой мысли, выраженной своимъ сочленомъ, видѣть скрытый злой умыселъ, чтобы въ каждомъ добромъ чувствѣ, честно выраженномъ безъ жеманной стыдливости заподозривать «отвратительное смакованіе собственныхъ добродѣтелей».

Считая себя каплею Русскаго моря, я вѣрю, что мои мысли и чувства доступны для всѣхъ моихъ согражданъ, и потому буду настойчиво продолжать

говорить съ полною откровенностью, не обращая вниманія на тѣхъ, кто не можетъ допустить въ Русскомъ человѣкѣ искренность, недоступныхъ для нихъ самихъ, мыслей и чувствъ.

Настоящую брошюру я раздѣляю на двѣ части: въ первой я выскажу возможно полно мои взгляды на то, что я считаю хлѣбомъ насущнымъ для Россіи въ историческій моментъ нами переживаемый; во второй—дамъ Русскому обществу отчетъ въ томъ несоразмѣрно маломъ, что мнѣ удалось сдѣлать въ этомъ направленіи за протекшій годъ.

Хлѣбомъ насущнымъ для Россіи я считаю *мирный* переворотъ въ экономическомъ строѣ страны и реорганизацію сельскихъ школъ въ воспитательныя заведенія.

Конечно, и то и другое недоступно для единичныхъ усилій частнаго человѣка; недоступно и для ничтожнаго полипа воздвигнуть громадный коралловый атоллъ, но онъ не смущается этимъ.

Первый шагъ труденъ во всякомъ дѣлѣ; обстоятельства, носящія частный характеръ, сдѣлали для меня этотъ первый шагъ особенно труднымъ и я на всю жизнь сохранию грустное воспоминаніе объ этой черной годинѣ. Лучше начать дѣло въ маломъ размѣрѣ, чѣмъ отложить его на неопредѣленное время; руководствуясь этимъ правиломъ, я сдѣлалъ въ этотъ тяжелый для меня годъ то небольшое, что дозволили мнѣ сдѣлать далеко не благопріятныя для меня и моего дѣла обстоятельства.

ЧАСТЬ I.

«Православные Русскіе люди!
Пустьте Россію по широкому
пути къ свѣтлому будущему!»

II.

Хлѣбъ матеріальный.

При настоящемъ положеніи вещей, мы неминуемо идемъ къ полному разстройству, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Надѣлы крестьянъ очень не велики и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ обработки земли сообща; вездѣ, напротивъ, общественныя земли разбиваются на участки и до слѣдующаго передѣла эксплуатируются отдѣльно, на правахъ ограниченной собственности.

Не говоря уже о томъ, что, при подобномъ экономическомъ устройствѣ, увеличеніе народонаселенія неминуемо приведетъ къ появленію и у насъ пролетаріата, крестьянскія земли съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истощаются, вслѣдствіе трехпольной системы и крайне плохой обработки. Если, даже теперь, экономическое положеніе Россіи далеко не блестящее, что же станетъ съ нею, когда одна половина народонаселенія будетъ бездомными пролетаріями, а другая не будетъ имѣть возможности прокормить семью скуднымъ урожаемъ, получаемымъ съ истощившейся почвы своего надѣла!

Конечно, Россійская Имперія обладаетъ громадными пустующими пространствами; правильно орга-

низованныя переселенія могутъ еще на-долго обезпечить насъ отъ бѣдствій, соединенныхъ съ излишнею густотою населенія въ другихъ странахъ; тѣмъ не менѣе, даже при систематическомъ выселеніи всѣхъ нарождающихся членовъ крестьянскаго общества, кромѣ комплекта, при которомъ возможно не раздроблять надѣловъ, эти надѣлы, благодаря постепенному истощенію почвы, оказались бы вскорѣ недостаточными для прокормленія и одной семьи.

Параллельно съ этимъ, менѣе быстро, но столь же вѣрно идутъ къ полному разстройству и помѣщичьи хозяйства. Если крестьяне страдаютъ отъ самой формы владѣнія надѣлами, исключаящей возможность болѣе правильной эксплуатаціи земли, земли помѣщиковъ истощаются въ той же степени по невозможности, безъ затраты громадныхъ капиталовъ, обрабатывать большія пространства земли болѣе рационально. Если у помѣщика есть нѣсколько тысячъ десятинъ пахатной земли, онъ рѣдко обрабатываетъ собственными средствами болѣе 400—600 десятинъ; все остальное пространство отдается исполу, т. е. обрабатывается нисколько не лучше крестьянскихъ земель, никогда не видитъ удобренія и изъ году въ годъ ковыряется тою же крестьянскою сохою, на ту же глубину. Чтобы завести на каждыя 200—300 десятинъ земли отдѣльную ферму со скотомъ и самостоятельнымъ инвентаремъ, надо затратить такіе капиталы, которыхъ въ большинствѣ случаевъ частныя лица затрачивать на этотъ предметъ не желаютъ.

Вопросъ объ истощеніи земли на громадныхъ пространствахъ Имперіи есть, безъ сомнѣнія, вопросъ государственной важности. Какъ скоро становится очевиднымъ, что частныя лица, по неумѣлости, по недостатку доброй воли или по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, неспособны бороться съ на-